Чарторыйский

1857

ASSASSINAT DE L'EMPEREUR PAUL.

УБІЙСТВО

ИМПЕРАТОРА ПАВЛА

GENÈVE
M. ELPIDINE, LIBRAIRE-ÉDITEUR
3, Rue des Alpes, 3
1887

ОИК
3 др.
Чарторыйский, А
кн. чист. гр. вед)

УБІЙСТВО

ИМПЕРАТОРА ПАВЛА

GENÈVE
M. ELPIDINE, LIBRAIRE-ÉDITEUR
1887

Гос. Историч. Научн. Б-ка
НКП РСФСР
Инвент. № 339215
«____» 193 г.

УБІЙСТВО ИМПЕРАТОРА ПАВЛА *).

Императоръ Александръ мнѣ говорилъ самъ, что графъ Панинъ ему передалъ первый о цѣли заговора и этого онъ ему никогда простить не могъ. Судьба, казалось, предназначала Панину играть первостепенную роль въ управленіи, для того у него были всѣ данныя: знаменитое имя, рѣдкія способности, большое честолюбіе и, не смотря на молодость, уже блестящая карьера.

Графъ Панинъ и графъ Паленъ, организаторы заговора, были въ это время безспорно самыми даровитыми людьми при дворѣ и изъ всѣхъ приближенныхъ Павла провидѣли дальше и вѣрнѣе. Сговорившись между собой, они рѣшили открыть свой замыселъ и вел. кн. Александру. Дѣйствительно, такіе предусмотрительные царедворцы не могли предпринять рискованнаго шага, не заручившись согласіемъ наслѣдника престола, не упуская изъ виду ко-

*) Недавно вышли въ Парижѣ мемуары знаменитаго польскаго магната князя Адама Чарторижскаго, нѣкогда близкаго друга Александра I-го, а впослѣдствіи главы польской эмиграціи. Полагаемъ, что печатаемый отрывокъ не лишенъ интереса для русскихъ читателей, такъ какъ знакомитъ съ многими подробностями этаго столь до сихъ поръ темнаго эпизода въ русской исторіи, съ убійствомъ Павла I-го.

нечнаго результата заговора и не обезпечивъ свою личную безопасность. Люди пылкіе, отважные и преданные идеѣ энтузіасты поступили бы на ихъ мѣстѣ иначе; они не впутали бы сына въ дѣло низверженія отца, а, жертвуя лично собой и идя на вѣрную смерть, оказали бы большую услугу и Россіи и тому, кто, призванный потомъ принять въ свои руки бразды правленія, долженъ былъ быть изъятъ отъ всякаго подозрѣнія въ соучастіи, но для подобнаго веденія предпріятія нужна такая безкорыстная отвага, такая античная доблесть, какія въ наше время встрѣчаются рѣдко.

Генералъ Паленъ, имѣвшій, какъ генералъ губернаторъ Петербурга, свободный доступъ къ великому князю, выпросилъ у него тайную аудіенцію для гр. Палена, и первое свиданье было устроено въ купальнѣ. Панинъ развернулъ передъ вел. княземъ картину бѣдствій Россіи и то, что ее ожидаетъ впереди, если царствованіе Павла продлится. Онъ старался ему доказать, что для него обязанности по отношенію къ родинѣ должны стоять выше остальныхъ, что онъ не имѣетъ права жертвовать участью милліоновъ подданныхъ взбалмошнымъ капризамъ, несчастному безумію одной личности, хотя бы личность эта была его отецъ. Онъ представилъ великому князю, что жизнь императрицы, его матери, или, по малой мѣрѣ, ея свобода, а также свобода его собственная и всей царственной семьи —въ опасности вслѣдствіе крайняго отвращенія, питаемаго Павла къ своей супругѣ,—отвращенія, нескрываемаго, усиливающагося съ каждымъ днемъ и могущаго въ скоромъ времени привести къ самымъ ужаснымъ и невообразимымъ послѣдствіямъ; что достаточно простымъ низложеніемъ съ престола помѣшать императору далѣе губить государство

и свою семью, давъ ему при этомъ возможность насладиться жизнью, болѣе покойною и счастливою, когда бы онъ, пользуясь всѣми благами міра, могъ не бояться окружающихъ его теперь опасностей; что, наконецъ, спасеніе Россіи въ рукахъ великаго князя, но для этого необходимо, чтобы онъ рѣшился поддержать тѣхъ людей, которые хотятъ, во что бы то ни стало, спасти имперію и династію. Эта первая бесѣда съ Панинымъ поколебала великаго князя, но не привела его ни къ какому рѣшенію, — и искусителямъ понадобилось болѣе полугода для того, чтобы вырвать у него согласіе на ихъ замыселъ противъ императора. Пустивъ впередъ Панина, какъ человѣка болѣе скрытнаго и болѣе способнаго склонить великаго князя на поступокъ, противный его чувствамъ, Паленъ, по удаленіи гр. Панина въ Москву, старался поддерживать въ вел. князѣ однажды принятое рѣшеніе полусловами и намеками, понятными только Александру и высказываемыми съ тою солдатскою откровенностью, которою славился этотъ генералъ. Высылка же Панина въ Москву состоялось не потому, что бы тайна его была проникнута, а подъ вліяніемъ одного изъ внезапныхъ и частыхъ припадковъ подозрительности, отличавшихъ Павла.

Слѣдуетъ признать, что дѣйствительно императоръ Павелъ быстро велъ свою имперію къ упадку, къ полнѣйшей дезорганизаціи силъ страны и государственной машины, завѣщанныхъ ему предшественниками. Онъ руководился въ управленіи страны капризами и припадочными наитіями, не заботясь вовсе о послѣдствіяхъ, какъ человѣкъ, не дающій себѣ труда сообразить, взвѣсить за и противъ, какъ человѣкъ, привыкшій повелѣвать и требовать, чтобы всякая фантазія, какая ему взбредетъ въ голову, была не-

медленно исполнена. Всѣ высшіе классы, государственные дѣятели, генералы, офицеры, все, что составляетъ въ Россіи мыслящую и дѣятельную часть націи, было убѣждено, что императоръ подверженъ припадкамъ умопомѣшательства. Управленіе обратилось наконецъ въ истинное царство террора. Царя ненавидѣли даже за его хорошія качества, такъ, въ глубинѣ души онъ стремился къ справедливости всегда, когда только вспоминалъ о ней въ своихъ вспышкахъ, и иногда попадалъ вѣрно; вотъ почему въ его царствованіе чиновники брали меньше взятокъ, стали вѣжливѣе и нравственнѣе даже въ польскихъ губерніяхъ; но эта справедливость императора, порывистая и слѣпая, бившая вкось и вкривь, часто капризная и жестокая, постоянно висѣла, какъ мечь, надъ головой генераловъ и крупныхъ чиновниковъ и заставляла ихъ втайнѣ ненавидѣть человѣка, приводившаго ихъ въ ужасъ вѣчною неувѣренностью за свою дальнѣйшую судьбу.

Такимъ образомъ почва для заговора была давно приготовлена; въ немъ участвовали, такъ сказать, всѣ, кто — чувствомъ, кто — желаніемъ, кто — страхомъ и убѣжденіями. Всѣ сдавались, уставши отъ ужасовъ и безпрерывныхъ тревогъ. Это хроническое состояніе безпокойства, личныхъ страданій, безъ минуты покоя и увѣренности, стало подъ конецъ невыносимымъ и влекло неминуемо къ катастрофѣ. Государь или правительство могутъ совершать крупныя ошибки и причинять много вреда своей странѣ, приводя въ упадокъ ея могущество и богатство, и не подвергая личное свое существованіе опасности. Но опасность является серьезной и близкой, когда авторитетъ власти ежеминутно давитъ на каждаго и, какъ постоянная лихорадка, день и ночь тревожитъ и нарушаетъ спокой

ствіе семей въ будничной жизни... Заговоръ былъ бы, вѣроятно, открытъ, если бы постъ петерб. ген.-губернатора, располагавшаго гарнизономъ и всѣми силами полиціи, не находился въ рукахъ весьма искуснаго человѣка, который былъ и организаторомъ и душою заговора.

Однажды императоръ, пытливо глядя въ глаза Палену, сказалъ: „я получилъ предупрежденіе, что противъ меня составляется заговоръ“.—Государь, это рѣшительно невѣроятно, и заговоръ былъ бы возможенъ лишь въ томъ случаѣ, если бы я въ немъ принималъ участіе,—отвѣчалъ генералъ съ свойственной ему добродушной и открытой улыбкой. Отвѣтъ этотъ успокоилъ Павла. Говорили, что подозрѣнія его были вызваны анонимными предостереженіями и что даже будто, наканунѣ своей смерти, онъ послалъ за генераломъ Аракчеевымъ съ тѣмъ, чтобы поручить ему вмѣсто Палена постъ петерб. генералъ-губернатора. Петербургъ не замедлилъ бы обратиться въ арену самыхъ трагическихъ сценъ, если бы Аракчеевъ явился во время: это былъ человѣкъ извѣстнаго направленія, крайне мелочнаго, и одаренный энергіею, граничившею съ жестокостью. Его пріѣздъ повлекъ бы за собою, вѣроятно, и возвращеніе гр. Ростопчина, и тогда Павелъ могъ быть спасенъ; но теперь, отдаляя отъ себя постоянно всѣхъ порядочныхъ людей, онъ былъ окруженъ лишь идіотами, занявшими, по его распоряженію, первыя мѣста въ управленіи. Князь Куракинъ, человѣкъ добрый, но бездарный, завѣдывалъ внѣшнею политикою; нѣкто Обольяниновъ, личность тоже безъ знаній и способностей, занималъ важный постъ генералъ-прокурора и стоялъ во главѣ внутренняго управленія имперіи только потому, что нѣкогда управлялъ гатчинскимъ имѣніемъ. Наибольшимъ же довѣ-

ріемъ и расположеніемъ Павла пользовался гр. Кутайсовъ, бывшій брадобрѣй императора, а теперь оберъ-штальмейстеръ, добрый малый и большой жуиръ, въ карманѣ котораго, когда онъ былъ арестованъ на завтра послѣ смерти его господина, нашли письма, предупреждавшія о заговорѣ, времени его исполненія и сообщавшія даже имена заговорщиковъ. Но графъ Кутайсовъ, сказавши: „дѣла до завтра“, спряталъ эти письма не распечатанными въ карманъ, чтобы не испортить своихъ вечернихъ и ночныхъ развлеченій...

Графы Паленъ и Зубовъ вызвали подъ разными предлогами въ Петербургъ генераловъ и офицеровъ, бывшихъ съ ними въ дружескихъ отношеніяхъ. Столичный генералъ губернаторъ не былъ строгъ и къ разнымъ отставнымъ чинамъ, съѣхавшимся въ Петербургъ безъ разрѣшенія. Самъ императоръ Павелъ вытребовалъ много высшихъ чиновниковъ и генераловъ для присутствія на праздникахъ, даваемыхъ по случаю сговора одной изъ его дочерей. Палену и Зубовымъ не стоило большаго труда, не открывая ничего положительнаго, убѣдиться, что наиболѣе вліятельныя лица будутъ на ихъ сторонѣ. Однако такое положевіе вещей не могло тянуться долго; всякій доносъ, даже безъ достаточныхъ доказательствъ, могъ открыть глаза императору, который и безъ того уже проявлялъ признаки недовѣрія и безпокойства. По этому всякое промедленіе и колебаніе становились рискованными и грозили неисчислимыми бѣдствіями, — и моментъ нанесенія удара былъ назначенъ ночью на 25 марта 1801 года.

Вечеромъ въ этотъ день гр. Зубовы устроили большой ужинъ, на который пригласили всѣхъ генераловъ и круп-

ныхъ офицеровъ, на которыхъ можно было болѣе или менѣе положиться. Большая часть изъ нихъ только на банкетѣ и узнала, въ чемъ состоитъ дѣло, собравшее ихъ вмѣстѣ, и какое предпріятіе должны они совершить нѣсколько часовъ спустя, по выходѣ изъ за стола. Это лучшій способъ для успѣха заговора, т. е. зрѣло обдумать планъ его между 2—3 организаторами и сообщить его многочисленнымъ актерамъ драмы въ моментъ постановки ея на сцену; такимъ образомъ лучше всего обезпечивается удача и не дается повода ни къ доносамъ, ни къ какимъ нибудь случайностямъ и промахамъ.—Графъ Зубовъ указалъ гостямъ на плачевное положеніе Россіи, какъ на слѣдствіе безумія ея монарха, нарисовалъ опасности, грозящія и государству и каждому человѣку въ частности, представилъ, что ежечасно можно ожидать новыхъ безумныхъ распоряженій, что дикій разрывъ съ Англіею, противный существеннымъ интересамъ русской націи, подрываетъ источники нашихъ богатствъ, угрожаетъ большимъ раззореніемъ, какъ портамъ на балтійскомъ морѣ, такъ и самой столицѣ, что наконецъ ни одинъ изъ присутствующихъ не можетъ быть увѣренъ, какая участь ожидаетъ его завтра. Потомъ онъ распространился о прекрасныхъ качествахъ вел. князя Александра, о блестящемъ будущемъ, ожидающемъ Россію подъ скипетромъ молодого князя, котораго императрица Екатерина признавала за истиннаго своего преемника, ему хотѣла она вручить управленіе, и только внезапная кончина помѣшала ей въ томъ. Графъ Зубовъ въ заключеніе своей рѣчи объявилъ, что вел. князь Александръ, въ отчаяніи отъ бѣдствій отечества, согласенъ его спасти, и слѣдовательно остается только низвергнуть императора Павла, принудить его подпи-

сать отрѣченіе и, превозгласивъ новаго императора, помѣшать отцу Александра далѣе губить самого себя и довершать раззореніе имперіи.

Зубовы и Паленъ убѣдили присутствовавшихъ, что планъ этотъ уже получилъ согласіе вел. князя, но они скрыли, сколько времени и трудовъ было употреблено на то и какимъ сокращеніямъ и передѣлкамъ подвергся ихъ планъ прежде, чѣмъ они добились этого согласія. Это послѣднее обстоятельство не было выяснено, и всякій волент былъ представлять его себѣ по своему усмотрѣнію. Достаточно сказать, что, когда всѣ болѣе или менѣе увѣрились, что Александръ стоитъ во главѣ заговора, всѣ колебанія исчезли. А между тѣмъ бутылки шампанскаго ходили по рукамъ, осушались быстро, и головы разгорячались. — Паленъ, уѣзжавшій на время во дворецъ по своимъ обязанностямъ, вернулся и передалъ, что тамъ и вечеръ и ужинъ прошли благополучно, что императоръ ничего не подозрѣваетъ и, какъ всегда, отпустилъ уже отъ себя императрицу и великихъ князей. — Присутствовавшіе на этомъ дворцовомъ ужинѣ утверждали потомъ, что Александръ весь вечеръ и при прощаньи съ отцомъ держалъ себя очень спокойно и ничѣмъ не выдалъ близость катастрофы, долженствовавшей разыграться въ эту ночь, — и приводили это самообладаніе, какъ доказательство той чрезвычайной скрытности, въ которой его не рѣдко обвиняли впослѣдствіи. А между тѣмъ онъ часто разсказывалъ потомъ, какъ сильно былъ въ этотъ вечеръ взволнованъ и весь поглощенъ грустью и тревогой, — и этому трудно не вѣрить, потому что не могъ онъ не думать объ опасности, какой подвергались — онъ самъ, мать его, семья и многіе, если бы задуманное предпріятіе не удалось. Притомъ вел.

князья были пріучены держать себя, въ присутствіи отца, съ величайшею сдержанностью, — и эта постоянная привычка таить въ себѣ свои волненія и мысли, эта заученная безстрастность объясняютъ намъ, почему никто въ этотъ знаменательный послѣдній вечеръ не замѣтилъ въ поведеніи Александра ничего необычайнаго.

У Зубовыхъ же среди веселости, возбуждаемой виномъ и поддерживаемой намѣренно гостями другъ въ другѣ, часы летѣли быстро, — и назначенный моментъ для дѣйствія наступилъ. Въ полночь всѣ вышли; организаторы дѣла пили не много и старались сохранить свѣжесть ума, тогда какъ большая часть гостей была на веселѣ, а многіе пошатывались на ногахъ.

Рѣшено было идти двумя партіями, каждая изъ 60 генераловъ и офицеровъ. Оба Зубовы, Платонъ и Николай, и генералъ Бенингсенъ были во главѣ первой, предназначенной двинуться прямо къ Михайловскому дворцу, другая же, подъ командой Палена, направилась къ Лѣтнему саду съ тѣмъ, чтобы съ этой стороны проникнуть во дворецъ. Плацъ-адъютантъ, знавшій по своей обязанности всѣ дворцовые переходы, корридоры и двери, съ потайнымъ фонаремъ въ рукахъ провелъ первую колонну до входа въ туалетную комнату императора, смѣжную съ его спальней. Дежурный молодой камеръ-лакей не хотѣлъ пропустить заговорщиковъ и сталъ кричать на помощь, но, раненный въ борьбѣ, тотчасъ же былъ убранъ съ дороги. Крики эти разбудили императора Павла, онъ вскочилъ съ постели и бросился къ двери, ведшей въ комнаты императрицы и закрытой тяжелой портьерой. Къ несчастію для

него, онъ самъ, въ припадкѣ отвращенія къ женѣ, приказалъ закрыть и забаррикидировать эту дверь.

Однако крики вѣрнаго слуги, этой единственной защиты государя, вѣрившаго болѣе, чѣмъ когда либо въ свое всемогущество и для пущей гарантіи окружившаго себя тройнымъ рядомъ стѣнъ и войска, крики эти произвели среди заговорщиковъ смятеніе и ужасъ; смущенные, они остановились и стали держать совѣтъ, что дѣлать. Графъ Зубовъ, предводитель колонны, совсѣмъ растерялся и сконфуженно предложилъ ретироваться поскорѣе назадъ, но генералъ Бенингсенъ, отъ котораго я слышалъ этотъ эпизодъ покушенія, схватилъ его за руку и возсталъ противъ такого опаснаго предложенія. „Какъ!“ сказалъ онъ, „вы довели насъ до этого мѣста и предлагаете теперь отступленіе? Мы слишкомъ далеко зашли, отступленія для насъ не можетъ быть, иначе мы всѣ погибнемъ. Бутылка разкупорена, надо изъ нея пить. Впередъ!“ — И гановерецъ Бенингсенъ рѣшилъ такимъ образомъ ходъ событій со всѣми его послѣдствіями для Россіи и Европы; онъ принадлежалъ къ числу тѣхъ, которые узнали о заговорѣ только въ этотъ вечеръ. Бенингсенъ становится во главѣ колонны, за нимъ слѣдуютъ самые неустрашимые и наиболѣе оскорбленные Павломъ. Они проникаютъ въ спальню императора, подходятъ къ его постели, но его уже тамъ нѣтъ: новое смущеніе среди заговорщиковъ. Ищутъ его со свѣчой въ рукѣ; вскорѣ несчастнаго императора находятъ за складками портьеры, гдѣ онъ силился спрятаться, и вытаскиваютъ оттуда въ рубашкѣ и скорѣе мертвымъ, чѣмъ живымъ; ему предстоитъ разплачиваться съ процентами за тотъ ужасъ, который онъ вселялъ другимъ. Отъ страха — чувства его замерли, онъ не въ состояніи произне-

сти слово и дрожитъ всѣмъ тѣломъ, когда его сажаютъ на стулъ передъ письменнымъ столомъ. Длинная, блѣдная и костлявая фигура Бенингсена, съ шляпой на головѣ и съ обнаженной шпагой въ рукѣ, представляется ему, вѣроятно, страшнымъ привидѣніемъ. „Государь“, говоритъ ему генералъ, „вы мой плѣнникъ и уже болѣе не царствуете; извольте отказаться отъ престола, немедленно составить и подписать актъ отрѣченія въ пользу вел. князя Александра“. — Императоръ былъ не въ состояніи отвѣчать; отреченіе тотчасъ же было составлено, ему дали перо въ руки, чтобы заставить его переписать и онъ, дрожа и почти безъ сознанія, готовъ былъ повиноваться, когда извнѣ донеслись снова какіе-то крики. Приказавъ низложенному императору подписать свое отрѣченіе, генералъ Бенингсенъ, какъ онъ самъ мнѣ не разъ передавалъ, вышелъ, чтобы узнать о причинѣ криковъ и для возстановленія порядка, но едва онъ удалился, какъ началась ужасная сцена.

Несчастный Павелъ остался одинъ съ глазу на глазъ съ людьми, питавшими къ нему личную и безпощадную злобу за несправедливости, за гоненія и даже за простые отказы на ихъ просьбы;—и теперь ему приходилось стать жертвой ихъ недостойныхъ оскорбленій и мести. По видимому, смерть его была рѣшена заранѣе между наиболѣе ярыми заговорщиками, можетъ быть, вопреки намѣреній организаторовъ, или, по крайней мѣрѣ, безъ ихъ формальнаго соглашенія.

Безъ сомнѣнія, ужасная катастрофа, почти неизбѣжная при такихъ условіяхъ, была ускорена криками, вызвавшими ген. Бенингсена изъ спальни и внушившими остав-

шимся заговорщикамъ страхъ и тревогу за самихъ себя. Графъ Николай Зубовъ, атлетъ по сложенію, говорятъ, первый наложилъ руку на государя, и послѣ поданнаго примѣра заговорщики уже не могли остановиться. Они видятъ въ Павлѣ лишь чудовище, тирана, непримиримаго врага: его униженіе и полная покорность не обезоруживаютъ никого, а напротивъ дѣлаютъ его въ ихъ глазахъ еще болѣе презрѣннымъ и смѣшнымъ. Ему наносятъ удары; одинъ изъ заговорщиковъ снимаетъ свой офицерскій шарфъ и набрасываетъ на шею императора. Павелъ отбивается, крайняя опасность и близость смерти придаютъ ему нѣкоторую силу и возвращаютъ способность говорить; онъ начинаетъ кричать, просунувъ между шеею и шарфомъ руку, которую ему удалось вырвать у убійцъ: „воздуху, воздуху!“ въ этотъ моментъ ему кидается въ глаза красный мундиръ одного изъ окружающихъ лицъ и составлявшій форму тогдашнихъ каваллергардовъ; онъ воображаетъ, что это сынъ его Константинъ, каваллергардскій полковникъ и что онъ тоже въ числѣ убійцъ. „Пощадите, ваше высочество, пощадите! кричитъ онъ; бога ради, воздуху, воздуху!“... Убійцы схватываютъ руку, съ помощью которой онъ силился продлить свою жизнь, съ безпощадной жестокостью тянутъ шарфъ за оба конца и продолжаютъ тянуть даже нѣсколько времени послѣ того, какъ несчастный императоръ испустилъ свое послѣднее дыханіе; трупъ таскаютъ по комнатѣ, нанося ему удары руками и ногами; тогда и самые трусливые присоединяются къ убійцамъ и стараются превзойдти послѣднихъ въ жестокости. Бенингсенъ возвращается: не знаю, былъ ли онъ искренно потрясенъ тѣмъ, что произошло въ его отсутствіи, но только извѣстно, что онъ положилъ конецъ этой безобразной сценѣ.

Между тѣмъ крики: „Павла нѣтъ болѣе!“ доносятся и до запоздавшихъ заговорщиковъ, и въ бѣшенной радости они забываютъ всякое чувство приличія и достоинства. Шумно разсыпаются они по корридорамъ и заламъ дворца, передавая другъ другу свои фантастическіе подвиги; многіе изъ нихъ находятъ возможность довершить свое опъяненіе, начатое за ужиномъ, проникнувъ въ дворцовые погреба и распивая за смерть того, кого уже не было въ живыхъ.

Паленъ, сбившись будто бы въ аллеяхъ Лѣтняго сада, прибылъ во дворецъ, когда убійство уже свершилось. Не могу утверждать, но увѣряютъ, что онъ опоздалъ умышленно въ тѣхъ видахъ, что, если заговоръ не удастся, то онъ повернетъ дѣло такъ, какъ будто является для ареста заговорщиковъ и разыграетъ роль спасителя Павла. Какъ бы тамъ ни было, но лишь только онъ прибылъ на мѣсто дѣйствія, то тотчасъ же проявилъ величайшую дѣятельность и принялъ всевозможныя мѣры для охраненія порядка въ теченіи ночи, не упустивъ ничего, чтобы главная заслуга и награда за веденіе предпріятія, за усердіе и ловкость не ускользнули изъ его рукъ.

Великій князь Александръ зналъ, что въ эту самую ночь будетъ предложено его отцу отрѣчься, сложить съ себя власть. Мучимый безпокойствомъ, сомнѣніемъ и цѣлымъ роемъ смутныхъ ощущеній, онъ бросился на кровать, не раздѣвался. Около часу кто-то постучался въ дверь, и вошелъ графъ Николай Зубовъ, съ всклокоченными волосами, раскраснѣвшійся отъ вина и совершеннаго убійства, платье его было въ безпорядкѣ. Онъ приблизился къ великому князю, сидѣвшему на постели и хрипло произнесъ: „все исполнено“.— Что исполнено?— спросилъ потрясен-

ный Александръ. Онъ былъ тугъ на ухо, а, можетъ быть, страшился понять, что ему пришли сообщить, между тѣмъ какъ графъ Зубовъ, съ своей стороны, боялся точно объяснить, что и какъ было исполнено. Это нѣсколько продлило разговоръ; смерть отца была такъ далека отъ помысловъ великаго князя, что онъ не допускалъ ея возможности. Наконецъ онъ обратилъ вниманіе на то, что Зубовъ, не высказываясь ясно, все титулуетъ его „государь“ и „ваше величество“, тогда какъ великій князь думалъ сдѣлаться только регентомъ. Это обстоятельство раскрыло ему истинну, и онъ предался величайшей скорби и неудержимому отчаянію.

Типографія «Общаго Дѣла» въ Женевѣ.

Отп N 23124.

LIBRAIRIE M. ELPIDINE

Rue des Alpes, 3 au 1er, Genève

НАХОДЯТСЯ ВЪ ПРОДАЖѢ:

Графъ Л. Н. ТОЛСТОЙ. Исповѣдь. Вступленіе къ сочиненію «Въ чемъ моя
» » вѣра». Женева.
» » *Въ чемъ моя вѣра.* Женева.
» » *Письмо* къ N. N. »
» » *Какова моя жизнь?* (часть 1-я), Женева, 1886.
» » *Какова моя жизнь?* (часть 2 я). » 1887.

ЩЕДРИНЪ. *Какъ выпъкли* д. ст. совѣтн. или Ташкенцы обратившіеся внутрь.
Три сказки: 1) Премудрый пискарь; 2) Самоотверженный заяцъ; 3) Бѣдный волкъ.
Письма къ тетенькѣ.
Чужую бѣду руками разведу.
Развеселое житье.
Новыя сказки для дѣтей изряднаго возраста.
Орелъ-Меценатъ, сказка.

Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКІЙ. Томъ I. Эстетическія отношенія искусства къ дѣйствительности. Диссертація на степень магистра.
Томъ II. Литер. критика и полемическія красоты.
Томъ III. Примѣчанія и дополн. къ пол. экономіи Милля.
Томъ IV. Очерки изъ политической экономіи по Миллю.
Томъ V. Полный сборникъ статей объ общинномъ владѣніи землею и полемика въ защиту общины.
Что дѣлать? Романъ писанный въ крѣпости, 1862—1863 г.
Судъ надъ Чернышевскимъ и *«Лессингъ».*
Іюльская монархія во Франціи.
Борьба партій во Франціи.
Кавеньякъ.
Антропологическій принципъ въ философіи.
Прологъ пролога. Романъ, 60-хъ годовъ писанный до ареста.
Научились ли? Обращеніе къ публикѣ по поводу студентовъ, 1862 г.

Попъ. Эротическая поэма, И. С. Тургенева. Женева 1887 г.
Письма В. Фрея къ Л. Н. Толстому. Женева 1887 г.
Споръ поповъ съ жидами.
Судъ и Расправа надъ Россіей. Женева.
Дочери ген. губернатора Крыжановскаго или расхищеніе русской земли освященное императоромъ Александромъ III.
Отъ студентовъ къ обществу. По поводу притѣсненій въ 1882 г.
Обращеніе русскихъ эмигрантовъ въ Швейцаріи «къ обществу».
Начало конца. Критическій моментъ въ жизни народа и рев. соц. партіи.

Типографія «Общаго Дѣла» въ Женевѣ.